

УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ-ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В БАЛТИИ (XIX – НАЧ. XX В.)

*Доктор юридических наук Лариса Беляева,
профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России,
заслуженный юрист РФ, Россия*

Первые, более или менее четкие шаги на территории нынешней Балтии, связанные с организацией специальных учреждений для исправления несовершеннолетних правонарушителей, были осуществлены в первой половине XIX века, когда в 1839 году, недалеко от Риги, было открыто заведение для детей нравственно испорченных и нищенствующих. В устройстве этого заведения принял участие известный специалист в этой области – доктор И.Г. Вихерн, основавший подобное заведение в Германии – «Суровый дом». Именно по его образцу и подобию было создано Рижское заведение, которое просуществовало более 50 лет, доказав тем самым правильность сделанного шага. Примечательно, что первые воспитанники Рижского заведения, т. е. ядро создаваемого коллектива, были взяты из «Сурового дома»¹.

Несколько позднее, в 1850 году, такое заведение появилось в Ревеле², однако, учреждений для несовершеннолетних, совершивших преступления, пока не появилось.

Развитие техники, формирование новых экономических отношений, расширение экономических связей за счет повышения мобильности населения, чему способствовало развитие транспортной системы, более широкое вовлечение в производство широких слоев населения, влекло за собой увеличение городского населения, числа маргиналов, что неизбежно расширяло круг детей заброшенных, нищенствующих и бродяжничающих, преступных.

В указанный период заметно меняется отношение к преступнику. Общественное сознание формирует и развивает идею о необходимости отказа от возмездия и неизбежности организации исправления. И, конечно, в первую очередь это касалось несовершеннолетних, что легко объяснимо: несовершеннолетних преступников численно меньше, они менее испорчены, легче поддаются исправительному воздействию (как оказалось, – не всегда). Но самое главное – они стояли в начале преступного пути, и была надежда на то, что он не будет пройден.

Введение судебной реформы способствовало осознанию потребности в особом отношении к несовершеннолетним, совершившим преступления и находящимся под следствием и судом, а также осужденным. Все это в совокупности укрепляет мысли о необходимости специальных учреждений для исправления несовершеннолетних правонарушителей.

Эта мысль нашла развитие и в Лифляндской губернии, где возникла инициатива, направленная на организацию специального заведения для воспитания несовершеннолетних правонарушителей.

Как обычно, в таких случаях создавалось Общество исправительных приютов и земледельческих колоний для несовершеннолетних, делом которого и было учреждение заведений для детей порочных и преступных.

В Риге Лифляндское общество исправительных приютов и земледельческих колоний для несовершеннолетних (далее – общество) было образовано в 1891 году по инициативе членов судебного ведомства и адвокатуры. Для решения организационных и практических вопросов созданным обществом избиралось Правление. В состав Правления Лифляндского общества входили председатель Рижского окружного суда И.К. Максимович; прокурор Рижского окружного суда А.Н. Познанский; председатель Рижско-Вольмарского съезда мировых судей А.Ф. Ганекау; мировые судья А.Г. Витте, Н.А. Эше; член Рижского окружного суда Д.В. Литовченко; Лифляндский губернский тюремный инспектор, присяжные поверенные и др. Нельзя не заметить, что учредители созданного общества стремились к организации именно воспитания несовершеннолетних правонарушителей. А воспитание требует необходимой профессиональной подготовки. Соответственно этому в состав Правления были включены специалисты: директор Александровской гимназии Е.Р. Белявский и директор народного училища П.К. Покровский. Деятельность общества строилась в соответствии с его Уставом.

Для учреждения приюта или колонии

необходимы были средства. Правление собирало их довольно долго. И появились они только через два года. Затем следовало найти подходящее место и помещения, причем они необходимы были недалеко от Риги, т. к. именно здесь сосредоточивались судебные учреждения, и здесь было наибольшее число детей-правонарушителей.

Рассмотрев несколько вариантов, Правление остановилось на здании бывшей почтовой станции Роденпойс по Санкт-Петербургскому шоссе, в 20 верстах от Риги, недалеко от железнодорожной станции Псково-Рижской железной дороги. Здесь были каменные постройки, позволяющие разместить до 100 детей. Владельцем указанного имения был Фридрих Вольф, который после переговоров согласился на аренду с правом выкупа³.

Колония, которая начала свою деятельность с 1893 года, стала именоваться Роденпойской, в некоторых документах Рижской или Рижской (Роденпойской).

Попечителем колонии был избран Н.А. Эше – мировой судья.

Важно было подобрать и человека, которому можно было доверить дело воспитания. Директором колонии был назначен бывший воспитанник горного института Гаральд Бек⁴. Директора многих исправительных заведений вели и занятия в школе. Поскольку Г. Бек не имел права преподавания, то он был назначен при условии, что занятия будут вести особые учителя, пока он сам не приобретет преподавательских прав⁵.

Кроме директора были назначены учитель, два дядьки, мужская и женская прислуга.

Вся внутренняя жизнь колонии строилась в соответствии с её Уставом. Первоначально в колониях было помещено около 40 воспитанников в возрасте от 10 до 15 лет, половину из них составляли 13–14-летние, примерно ¼ – 15-летние, остальные – просто маленькие дети. В колонию все они были направлены в основном за кражу⁶. В колонии содержались только мальчики.

В колонии имелись 3 мастерских: сапожная, портновская, столярная, где дети приобретали ремесло.

Воспитание несовершеннолетних пытались строить на гуманистических началах: телесных наказаний к детям не применяли, старались уделять внимание заботам и интересам детей. В целях воспитания стремления к взаимопомощи, ответственности каждому из

старших воспитанников под присмотр определялся младший. Все воспитанники разделялись на 3 отделения⁷.

Однако становление колонии было осложнено нестабильностью в кадрах. Сначала от должности отказался Г.П. Бек, поскольку он находился в преклонных годах, и ему трудно было справляться со своими обязанностями. Дальнейшие попытки найти подходящего для дела человека увенчались успехом не скоро: кандидаты на службу то оказывались мало пригодными к ней, то сами оставляли ее. За короткий период в колонии сменились 3 директора, кроме того, имелись потери в учительском составе.

Такая неустойчивость персонала, безусловно, сказывалась на жизни заведения. Дисциплина в нем расшатывалась, установленный порядок приходил в упадок, воспитанники пускались в «бега». При этом Правление отмечало, что среди «бегунов» есть натуры глубоко испорченные, требующие постоянного внимания и систематической работы с ними. По мнению Правления, это требовало устройства особого отделения для трудноисправимых с введением в нем более строгого режима⁸.

Здесь уместно заметить, что трудноисправимые воспитанники были проблемой не только Роденпойской колонии. Проблема остро стояла и в других исправительных заведениях Российской империи, и всюду искали пути ее решения. Она стала предметом обсуждения на Съездах представителей русских исправительных заведений, где рассматривался вопрос об учреждении специального исправительного заведения для таких воспитанников⁹.

В Роденпойской колонии такое отделение было открыто 1 октября 1896 года, оно получило название штрафного¹⁰.

Воспитанники в колонии были теперь разделены на 4 отделения. За основу при таком делении принималась степень доверия, которая оказывалась воспитаннику.

В первом отделении находились самые лучшие воспитанники, пользовавшиеся самым большим доверием всех служащих. Эти дети не подвергались наказаниям, им доверялось исполнять ответственные дежурства, а в свободное время гулять, доложив об этом дежурному; они носили лучшую одежду.

Воспитанникам второго отделения вследствие худшего поведения полного доверия не оказывалось, поэтому им устанавливались

ограничения во многих отношениях, на них налагались взыскания, например, постановка в угол, оставление без горячей пищи или прогулки, уменьшение порций мяса, масла и т. д. Гулять они могли только в сопровождении дядьки, а одежда выдавалась худшего качества.

В третьем отделении воспитанники находились под строгим контролем. Им не разрешалось покидать двор колонии. Одежда и обувь выдавалась худшая, вполнину уменьшались порции мяса и масла.

В штрафном отделении воспитанникам было и того хуже: им давалась самая старая одежда, суп без мяса, хлеб – только черный. Воспитанники этого отделения работали и учились со всеми остальными, при этом за ними осуществлялся постоянный надзор: днем воспитанником I отделения, ночью – дядькой.

В свободное время им полагалось находиться в отделении, в общей жизни колонии они не участвовали¹¹. И это главное, что страшило подростков.

Педагоги подчеркивали огромное воспитательное значение этого отделения: в него не хотели попадать даже самые худшие, а попавшие стремились как можно скорее вернуться обратно. Через полгода в нем остались только 2 воспитанника, а через год отделение и вовсе пустовало. Перевод из отделения в отделение осуществлял педагогический совет, рассматривавший этот вопрос ежемесячно.

Конечно, все это налаживалось очень медленно. А колония первых лет существования и более позднего периода – это разные заведения: по содержанию деятельности, по ее характеру, принципам, целям.

Изменения в жизни колонии начались с конца 1896 года, когда директором был назначен Г.П. Палевич, заведующий двухклассным училищем. Как свидетельствуют архивные материалы, этот человек многое сделал для развития колонии. Так, он принял меры для прекращения произвола со стороны служащих в отношении воспитанников; изменил соотношение числа надзирателей и учителей-воспитателей в пользу последних, заменив треть надзирателей вторым учителем-воспитателем, что позволило наполнить работу с воспитанниками педагогическим содержанием. В жизни колонии появилось множество различных мелочей, которые позволяли детям, да и взрослым, не чувствовать себя как в тюрьме, а как в школе, которая о них заботится и

учит добру. Так, например, в колонии установился порядок оставлять ворота колонии открытыми в течение дня; были удалены из колонии тюремные атрибуты; устроены сад, огород с грядками; организованы увеселения и вечеринки с танцами и хороводами, прогулки по окрестностям. Воспитанники первого (лучшего) отделения назначались в помощь воспитателям для работы с воспитанниками других отделений. Те из воспитанников, которые нравственно были менее устойчивы, передавались на поруки лучшим. Постепенно из жизни колонии стали уходить те негативные явления, которые имели место прежде¹².

В развитие колонии большой вклад внес учитель-воспитатель П.А. Ванас, который, как следует из архивных материалов, отличался честностью и добросовестностью, много внимания уделял изучению индивидуальных особенностей каждого воспитанника¹³.

Со временем состав служащих стал более устойчивым и дружественным по отношению к воспитанникам. В основу дела воспитания легло положение о том, что в деле воспитания детей, тем более порочных, самую важную роль играет именно родительская любовь и отеческое попечение о них, выражающееся в сердечном отношении и внимании ко всем нуждам и желаниям воспитанников колонии¹⁴.

Со временем колония расширилась до 100 мест. Соответственно этому увеличился штат служащих. В нем, конечно, происходили изменения, однако это был естественный процесс, не влияющий на внутреннюю жизнь колонии. Как свидетельствуют документы, усилиями служащих в колонии сложилась определенная система воспитания несовершеннолетних правонарушителей, которая с современных позиций может показаться ординарной, ничем не выделяющейся, даже само собой разумеющейся. Однако, не стоит забывать о том, что мы вглядываемся в прошлое, которое еще не знало, что такое воспитание несовершеннолетних правонарушителей. Поэтому те, кто создавал эту систему, без сомнения, относятся к первооткрывателям. Они были разными: по возрасту, образованию, опыту; их вклад в общее дело был разным, но всех объединяло одно – желание помочь детям, попавшим в беду, найти свою дорогу в жизни.

Деятельность колонии в прошлом наполняется жизнью, приобретает динамичность, когда в ней появляются конкретные лица. Архивные материалы сохранили имена тех,

кто именно занимался воспитанием несовершеннолетних в Роденпойской колонии. Это директора Г.П. Палевич, а с 1907 года Э.Ю. Мейстер, учителя-воспитатели П.А. Ванас, А.А. Цимброт, Э.Г. Амолин, А.Г. Куроль, Я.Я. Дулле, П.И. Мускер, Р.Я. Брока. Мастера: сапожники – А. Керстен, Р. Лус; портняжные – А. Вульф, Я. Лус, К. Монак, Р. Герман; столярные – Я. Вигантс, Г. Петерсонс, А. Пиро; корзиночные – Т. Леман. Законоучители: православный – С. Журавский, лютеранский – И. Калниньш. К сожалению, не все имена удалось установить, а имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют расширить круг сведений об указанных лицах. Тем не менее, общее впечатление об их деятельности в итоге складывается.

Для понимания особенностей организации деятельности исправительного заведения важно иметь представление о том, какими были воспитанники, содержавшиеся здесь.

Как следует из документов, основанием для помещения в колонию служили: приговоры судов, определения судебных властей, распоряжения управления заведением, ходатайства родителей, личная просьба.

В основном в колонии содержались дети, помещенные сюда по приговорам суда (т. е. осужденные) и по ходатайству родителей¹⁵. Родители отдавали детей в колонию за непослушание, разгульную жизнь, плохое поведение.

Среди детей, помещенных в колонию по приговорам судов, преобладали осужденные впервые, однако, некоторые имели и 2 и более судимостей¹⁶. По преимуществу, к содержанию в колонии приговаривались дети, совершившие кражу¹⁷.

Содержались они в колонии до исправления, но, как правило, не дольше достижения 18-летнего возраста. В среднем воспитанник находился здесь 2–3 (4) года¹⁸.

Преимущественно это были дети, говоря современным языком, из неполных семей и, в основном, жители городов¹⁹.

В соответствии с действовавшим законодательством помещение в колонию допускалось с 10-летнего возраста, но преобладали 14–17-летние.

Все воспитанники внутри колонии распределялись по группам, о которых уже было сказано. Здесь надо отметить, что деятельность колонии совпала со временем, когда активно решался вопрос о выведении

подследственных несовершеннолетних из общих мест заключения. Их стали принимать в некоторых исправительных заведениях, учредив в них подследственные отделения. Правление Лифляндского общества этого вопроса решить не смогло ввиду отсутствия средств и необходимого помещения²⁰, хотя необходимость этого осознавало.

Одной из особенностей Роденпойской колонии являлось то, что в нее поступали дети разных национальностей, разных вер и языков. Это было одной из больших проблем в работе с воспитанниками, о чем говорил директор колонии Э.Ю. Мейстер на Съезде представителей исправительных заведений для несовершеннолетних²¹. В Роденпойской колонии нашли решение этой проблемы, что выразилось в требованиях к учителю-воспитателю. Во-первых, для работы в колонии необходимо было знать 2–3 наиболее распространенных в колонии языка. Во-вторых, дети, содержавшиеся в колонии, обучались языку, который являлся общим для всех, что давало возможность общения, участия в общих делах, оказания педагогического влияния. Таким языком был русский.

В Роденпойской колонии в период, когда в ней работали наиболее подготовленные и опытные педагоги, сформировался определенный подход к воспитанию несовершеннолетних правонарушителей, основанный на гуманизме, любви к ребенку, оказавшемуся в условиях, вредных для него: бродяжничество, заброшенность, правонарушения. Соответственно этому в колонии сложилась система средств воспитания, применяемая и в других, обычных воспитательных учреждениях, хотя и с некоторыми особенностями. Эта система включала в себя религиозно-нравственное воспитание, элементарное образование, профессиональное обучение, труд воспитанников, режим и условия содержания, поощрения и наказания.

Как известно, основой воспитания в рассматриваемый период являлась религия²². Это было положено в основу воспитания несовершеннолетних правонарушителей. Религиозно-нравственное воспитание являлось одним из важнейших средств воспитания в исправительных заведениях. В нем, безусловно, участвовали все служащие Роденпойской колонии, что было вполне естественно, поскольку все были верующими, вера являлась основой жизни.

Непосредственно мероприятия религиозного характера организовывались и проводились священнослужителями. В колонии проводились церковные богослужения, еженедельные домашние молитвы, беседы со священниками, религиозно-нравственные чтения и др.

Внутренняя жизнь в заведениях строилась в соответствии с правилами религиозного верования. В тех случаях, когда в исправительном заведении оказывались дети веры менее распространенной в данной местности, им предоставлялась возможность следовать канонам своей религии²³.

Во всех школах исправительных заведений велись занятия по закону Божию соответственно религии, господствующей в данной местности. Показательно, что в Роденпойской колонии такие занятия велись несколькими священниками разных религий. Занятия вели, кроме священников колонии, приглашенные.

Дети могли посещать культовые учреждения в колонии, если они были, или за ее пределами.

В 1897 году в колонии была освящена православная домовая церковь, имелась также лютеранская.

Как отмечали специалисты, нравственное воспитание в колонии было осуществлять много труднее, чем в других заведениях. Все воспитанники были разноязычны, разноплеменные и разноверующи. К примеру, в 1899 году в ней содержалось 49 воспитанников, из которых латышей – 26, эстонцев – 7, немцев – 7, русских – 5, поляков – 1, евреев – 1, неизвестно – 1. Из них лютеран – 37; православных – 8; старообрядцев и раскольников – 1; католиков – 2; исповедующих иудаизм – 1²⁴. В 1913 году – лютеран – 31; православных – 11; старообрядцев – 11, католиков – 7²⁵.

В свободное время дети занимались военной гимнастикой, церковными песнопениями. По воскресеньям читали книжки с туманными картинками²⁶, которые с 1906 года Рижская комиссия народных чтений отпускала колонии бесплатно. Детям читались книжки духовного содержания, исторические, книжки по географии, естествознанию, литературе. Как отмечали педагоги, чтения с туманными картинками дети посещали весьма охотно. Это было для них «не только приятным и полезным препровождением времени, но и прекрасным образовательным средством»²⁷.

В колонии по праздникам устраивались

театральные представления, музыкальные вечера, концерты. Дети принимали участие в празднествах и за пределами колонии²⁸.

Воспитанники колонии вовлекались в активную самостоятельную работу по нравственно-эстетическому воспитанию. Так, в 1896 году в колонии было введено преподавание пения и музыки, что очень нравилось детям²⁹. Примечательно, что взрослые занимались в оркестре вместе с детьми, это давало возможность влиять личным примером и добиваться успехов путем совместной деятельности. Со временем в самостоятельности стали участвовать и посторонние лица (не являвшиеся служащими в колонии)³⁰. Безусловно, общение воспитанников с людьми из «внешнего» мира, посещение празднеств за пределами колонии было полезным для всех. Оно смягчало души горожан, способствовало формированию позитивного восприятия несовершеннолетних, а воспитанники получали ценный опыт общения с согражданами.

В целях развития чувства коллективизма, воспитания, дисциплинированности, укрепления воли и твердости духа с воспитанниками проводились военные занятия: военная гимнастика, строй.

В деле воспитания активно использовались возможности природной среды. Колония располагалась в прекрасном месте: хвойный лес, чистый воздух, озеро в лесу, речка, протекающая недалеко³¹. Все это создавало условия для купания, катания на санках и коньках зимой, прогулок, игр на воздухе.

Большое значение в деле воспитания несовершеннолетних имело элементарное образование. В колонии с первых дней ее существования была организована школа, занятия в которой велись по программе двухклассной начальной школы. Учебный год начинался в октябре и заканчивался в мае. В школе имелось два отделения – старшее и младшее³².

В школе преподавались Закон Божий, русский и родной язык, арифметика, география, рисование, чистописание, история, пение хоровое и церковное, музыка, гимнастика³³.

Любопытно, что со временем в школе появился класс выпускников (выпускников). Занятия с ними вел директор колонии. В классе занимались воспитанники первого отделения – лучшего по поведению, которые

готовились к досрочному освобождению, а также те, у кого истек срок наказания. Такие уроки проводились с целью подготовки воспитанников к освобождению и жизни на свободе³⁴.

В мастерских колонии велось обучение ремеслам: столярному, сапожному, портняжному и кузнечному.

В мастерских изготавливались изделия как для внутренних нужд, так и для продажи. Для поощрения воспитанников, стимулирования их трудовой активности в пользу воспитанников отчислялось по 10% от зарплаты за исполнение заказов³⁵. Стоит подчеркнуть, что, заботясь о жизни воспитанников после освобождения, некоторым из них колония предоставляла места подмастерьев, с обязанностями которых они успешно справлялись.

Колония имела свое хозяйство: сад, огород, коров, лошадь. Все работы здесь выполняли воспитанники под руководством взрослых.

В деле воспитания важны условия, в которых находятся воспитуемые.

В колонии считали благотворным распределение воспитанников по группам в зависимости от поведения, отмечая, что дети стремились к тому, чтобы перейти в то отделение, где условия лучше, свободы больше и уровень доверия, оказываемого воспитаннику, выше. В штрафном отделении мало кто был. Переводы из одного отделения в другие осуществлялись педагогическим советом. Таким образом, для воспитанника, даже для самого недисциплинированного, открывалась перспектива, и она всегда была. В документах, имеющихся в нашем распоряжении, отмечается, что в течение года, проведенного в колонии, 35,9 % времени приходится на I отделение, 39,6 % – на II, 14,4% – на III, 10,1% – на IV³⁶. Из последнего воспитанники всегда старались уйти как можно скорее.

Необходимо отметить, что сложившаяся в колонии система воспитания не являлась косной, застывшей и схематичной. Она развивалась, совершенствовалась с учетом собственного опыта, опыта других исправительных учреждений, в том числе зарубежных, достижений педагогической науки, развития законодательства.

К 1912 году в колонии распространилась марочная система воспитания, которая предполагала поощрения в виде наград марками, либо лишение их при плохом поведении. Накопление таких марок давало право на

отличительные знаки и, соответственно им, льготы, и, напротив, потеря марок влекла за собой ухудшения условий: перевод в штрафной разряд, наложение взысканий вплоть до помещения в карцер³⁷.

С современных позиций в этой системе есть много изъянов. Но выявление их – не есть смысл настоящего исследования. Здесь важно то, что в рассматриваемый период это было новым подходом, свидетельствующим о поисковом характере деятельности служащих, о попытках использования положительных (для того времени) идей и опыта.

В воспитании несовершеннолетних важную роль играли поощрения, стимулирующие позитивное поведение, и наказания, являющиеся выражением неодобрения поведения воспитанников. Необходимо отметить, что система поощрений и взысканий, которая применялась к воспитанникам на протяжении длительного времени, не была неизменной, она менялась в соответствии с изменениями, происходящими в общественном сознании, жизни, науке, педагогической практике. Так, если в начале деятельности в практике колонии имело место применение розг, стояния в углу на коленях, содержание на хлебе и воде³⁸, то со временем это все ушло из жизни колонии. Гуманизация воспитательного процесса естественным образом изжила все это.

К провинившимся воспитанникам применялись наказания: выговор, замечание, стояние на месте до 1 часа; заключение в отдельное помещение; работа в свободное время; лишение отпуска; перевод в штрафное отделение или помещение в карцер.

К наиболее испорченным могли применяться такие меры, как перевод в отдельное помещение до заметного исправления; усиленный надзор; лишение свиданий.

К воспитанникам применялись меры поощрения: одобрение, перевод в высшее отделение; подарки и награды; отпуска; прогулки и досрочное увольнение³⁹, т. е. освобождение.

При всем разнообразии средств воздействия на несовершеннолетних, служащие колонии считали, что лучшие средства для нравственного воздействия на воспитанников – это разговоры с отдельными воспитанниками, беседы с ними, внушение и хороший пример⁴⁰.

В XIX веке сложилось понимание того, что без необходимой помощи, лицо, отбывшее наказание, а тем более несовершеннолетний, не

сможет приспособиться к жизни на свободе⁴¹.

Это понимали и в колонии. Однако для масштабной работы в этом направлении средств не было, о чем директор колонии откровенно сказал на VIII Съезде представителей: «Особого покровительства воспитанникам, вышедшим из колонии, не оказывается, хотя некоторая помощь имеется: им выдается пособие, отыскивается место, предоставляется работа в колонии, обычно, подмастерьем»⁴².

Служащие колонии, как свидетельствуют архивные материалы, стояли на аксиологических позициях и отличались креативностью, говоря современным языком. Они внимательно изучали опыт воспитания детей-правонарушителей, в том числе зарубежный. С практической стороны дела воспитания педагоги знакомились непосредственно в исправительных заведениях. Известно, что директор колонии Г.П. Палевич посещал Московский Руковишниковский приют и Владимирскую колонию, где имел возможность обсудить интересующие его проблемы с директорами заведений. Учитель-воспитатель Э.Г. Амолин посетил Санкт-Петербургскую колонию.

Директора Роденпойской колонии принимали активное участие в работе Съездов представителей русских исправительных заведений, начиная с четвертого (1896 г.). Всего таких Съездов прошло 8, последний – в 1913 году. Здесь представители Роденпойской колонии участвовали в обсуждении наиболее важных вопросов жизни и деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей, делились своим опытом, знакомились с опытом других.

Одним из вопросов, который находился в центре внимания Съездов, был вопрос об исправительных заведениях для девочек. Актуальным он был в связи с началом подготовительных работ по созданию такого заведения. Для нужд этого заведения Рижская городская управа предоставила участок земли с жилым двухэтажным домом в имени Депкингоф, в шести верстах от Риги⁴³.

В соответствии с Уставом Рижской (Депкинской) колонии для несовершеннолетних женского пола, в нее могли приниматься девочки не младше 10 и не старше 18 лет по приговорам суда, бродяжничающие, нищенствующие, беспризорные, имеющие родителей, находящихся в тюрьме, а также по просьбе родителей.

Целью помещения в колонию признавалось

нравственное исправление воспитанниц и подготовка их к честной жизни. Уставом предусматривались меры поощрений и вознаграждений, средства воспитания и др.⁴⁴

В 1914 году в колонию поступили первые четыре воспитанницы: 2 – по распоряжению управления заведением, 2 – по ходатайству родителей. Но развернуть свою деятельность она не успела – началась война.

В начале XX века актуальным для общественной жизни был вопрос о детских судах. Рига не стояла в стороне от этого дела. Правление Лифляндского общества отмечало, что такой суд нужен. По косвенным сведениям, такой суд был учрежден, хотя прямых документальных свидетельств этого нами пока не установлено.

Проведенный ретроспективный обзор деятельности по воспитанию несовершеннолетних правонарушителей, свидетельствует о том, что:

- в основе формирования и деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних лежали гуманистические идеи и устремления, свойственные времени;

- сложившаяся в колонии система воспитания несовершеннолетних правонарушителей строилась на традиционных и наиболее передовых положениях педагогической мысли: гуманизм в отношении к детям; вовлечение детей в самовоспитание; воспитание в активной совместной деятельности; педагогический оптимизм; индивидуальный подход к воспитанию и др.;

- сложившаяся система воспитания не была калькой с опыта других. В ней нашли отражение особенности местного колорита и культуры. Это выражалось в требованиях к персоналу, в частности, многоязычии, свободе отправления религиозных обрядов и соблюдения традиций религиозных культов; веротерпимости и уважении к иноверцам; непризнанию индивидуализма и изолированности индивидуума, стремлении к общности дел, совместности усилий; природном такте и др.

Все это способствовало формированию национальной школы воспитания детей-правонарушителей, обогащению опыта страны в целом, наполняло и «расцветивало» общемировую практику в этой области.

Остается лишь с благодарностью вспомнить известных и неизвестных деятелей этого благородного дела.

Ссылки

- ¹ Пусторослев П.П. Наказательно-исправительные заведения для малолетних и несовершеннолетних преступников. // Ученые записки Юрьевского университета. – 1893, № 4, с. 65–70.
- ² Арепьев Н.Ф. Исправительное воспитание в России. // Русская школа, 1895, №4, с. 88.
- ³ Отчет правления Лифляндского общества исправительных приютов и земледельческих колоний для несовершеннолетних за 1891 г. Рига. 1892, с. 4–8. (далее – Отчет правления ...)
- ⁴ Отчет Правления ... за 1892 г. Рига. 1893, с.7.
- ⁵ Тюремный вестник, 1893, № 4, с. 123.
- ⁶ Отчет Правления ... за 1894 г. Рига. 1896, с. 9.
- ⁷ Там же, с. 14.
- ⁸ Отчет Правления ... за 1895 г. Рига. 1896, с. 26–27.
- ⁹ Труды V Съезда представителей русского исправительного заведения для малолетних. – М. 1900, с. 150–155. (Далее – Труды V Съезда...); Труды VII Съезда ... – М. 1909, с. 23–26.
- ¹⁰ Отчет Правления ... за 1896 г. Рига. 1897, с. 13.
- ¹¹ Отчет Правления ... за 1897 г. Рига. 1898, с. 18–19.
- ¹² Отчет Правления ... за 1903 г. Рига. 1904, с. 4.
- ¹³ Малинин Ф. Отчет Правления ... за 1898 г. Рига. 1899. // Тюремный вестник, 1902, № 4, с. 263.
- ¹⁴ Отчет Правления ... за 1904 г., с.9.
- ¹⁵ Отчет Правления ... за 1900 г. Рига. 1904, с.8; Отчет Правления ... за 1908 г. Рига. 1909, с. 11; Отчет Правления ... за 1912 г. Рига. 1913, с. 21.
- ¹⁶ Отчет Правления ... за 1900 г. Рига. 1901, с. 8; Отчет Правления ... за 1908 г. Рига. 1909, с.11; Отчет Правления ... за 1912 г. Рига, 1913, с. 27; Отчет Правления ... за 1914 г. Рига. 1915, с. 11.
- ¹⁷ Отчет Правления ... за 1900 г. Рига. 1901, с. 11; Отчет Правления ... за 1908 г. Рига. 1909, с. 15; Отчет Правления ... за 1912 г. Рига. 1913, с. 24; Отчет Правления ... за 1914 г. Рига. 1915, с. 23.
- ¹⁸ Отчет Правления ... за 1908 г. Рига. 1909, с. 17; Отчет Правления ... за 1912 г. Рига. 1913, с. 28; Отчет Правления ... за 1914 г. Рига. 1915, с. 26.
- ¹⁹ Отчет Правления ... за 1900 г. Рига. 1901, с. 9; Отчет Правления ... за 1908 г. Рига. 1909, с. 11; Отчет Правления ... за 1912 г. Рига. 1913, с. 22; Отчет Правления ... за 1914 г. Рига. 1915, с. 21.
- ²⁰ Благовещенский С. Отчет Правления ... за 1897 г. Рига. 1898. // Тюремный вестник, 1899, № 12, с. 555.
- ²¹ Труды VIII Съезда ... СПб. 1913, с. 92–94.
- ²² Гусев А. Религиозность как основа нравственности. – Казань. 1894, с. 4–5.
- ²³ Труды VIII Съезда ... СПб. 1913, с. 92-94.
- ²⁴ Малинин Ф.Н. Отчет Правления ... за 1898 // Тюремный вестник, 1902, № 4, с. 263.
- ²⁵ Отчет Правления ... за 1900 г. Рига. 1901, с. 9; Отчет Правления ... за 1913 г. Рига. 1914, с. 25.
- ²⁶ Благовещенский С. Отчет Правления ... за 1897 г. // Тюремный вестник, 1899, № 12, с. 555–558.
- ²⁷ Отчет Правления ... за 1912 г. Рига. 1913, с. 58.
- ²⁸ Там же, с. 59.
- ²⁹ Малинин Ф.Н. Отчет Правления ... за 1898 г. // Тюремный вестник, 1902, № 4, с. 264.
- ³⁰ Рижская (Роденпойская) земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних мужского пола. // Трудовая помощь, 1913, № 7, с. 185.
- ³¹ Малинин Ф.М. Отчет Правления ... за 1898 // Тюремный вестник, 1902, № 4, с. 263.
- ³² Благовещенский С. Отчет Правления ... за 1897 г. // Тюремный вестник, 1899, №12, с. 557.
- ³³ Рижская (Роденпойская) земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних мужского пола. // Трудовая помощь. 1913, № 7, с. 185.
- ³⁴ Отчет Правления Лифляндского общества ... за 1912 г. Рига. 1913, с. 56.
- ³⁵ Труды V Съезда ... М. 1900, с. 294.
- ³⁶ Благовещенский С. Отчет Правления ... за 1897 г. // Тюремный вестник, 1899, № 12, с. 557.
- ³⁷ Рижская (Роденпойская) земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних мужского пола. // Трудовая помощь. 1913, № 7, с. 187.
- ³⁸ Труды V Съезда ... М., 1900, с. 292–293.
- ³⁹ Труды VIII Съезда ... // СПб., 1913, с. 92.
- ⁴⁰ Там же.

⁴¹ См. об этом подробнее: Беляева Л.И. Патронат в России. Воронеж. 2001.

⁴² Труды VIII Съезда ... // СПб., 1913, с. 94.

⁴³ Отчет Правления ... за 1913 г. Рига. 1914, с. 3.

⁴⁴ Отчет Правления ... за 1914 г. Рига. 1915, с. 79–88.

Anotācija

Rakstā aplūkoti nepilngadīgo personu iestāžu izveides Baltijā vēsturiskie aspekti. Pētījuma aktualitāti raksturo tas, ka retrospektīva analīze ļauj labāk izprast mūsdienu problēmas, kā arī noskaidrot teorijas un prakses attīstības likumsakarības. Pētījuma mērķis ir minēto iestāžu darbības pieredzes analīze un apkopošana, kā pētījuma vispārzinātniskās metodes izmantotas analīze, sintēze un salīdzināšana.

Pētījuma ietvaros iegūtas jaunas zināšanas par nepilngadīgo likumpārkāpēju audzināšanas praksi Baltijas speciālajās iestādēs 19. gs. un 20. gs. sākumā. Pētījums ļauj secināt, ka nepilngadīgo likumpārkāpēju iestāžu attīstība noritēja saskaņā ar vispārīgām tendencēm šajā jomā, taču nozīme bija arī reģiona kultūras un tradīciju iezīmju ietekmei.

Abstract

The article considers the peculiarities of formation and development of the institutions for juvenile offenders. The relevance of the study determined that a retrospective analysis allows to better understand contemporary problems, to identify patterns of development of theory and practice.

The aim of the research is the analysis and generalization of experience of activities of these institutions. Methods: we used General scientific research methods such as analysis, synthesis, comparison.

In the result of the study obtained new knowledge about the practice, education of juvenile offenders in the institutions of the Baltic in the XIX – early XX centuries.

Conclusions: institutions for juvenile offenders developed in the Baltic in accordance with the General trends and characteristics typical of the culture and traditions of the region.